

вающим текстам. При этом письма другу, содержащие большие по объему макрокомпоненты, выполняют и другие функции, а именно информирующую, поэтическую, содержат элементы автопортрета.

Таким образом, анализ писем Д. Бонхеффера показал, что вариативность личного письма проявляется в его семантической, синтаксической макроструктуре, а также в его богатом функциональном потенциале, что обусловлено различными факторами, как внутренними, так и внешними по отношению к языковой деятельности.

Е. Э. Шуранова (МГЛУ, Минск, Беларусь)

К ПРОБЛЕМЕ ЧЛЕНЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА ПОСРЕДСТВОМ ПРЕДМЕТНО-ПРИЗНАКОВЫХ ИМЕН (на материале немецкого и русского языков)

Данная работа посвящена проблеме членения пространства при помощи предметно-признаковых имен существительных в немецком и русском языках. Под предметно-признаковыми именами мы понимаем субстантивы, которые занимают промежуточное положение между вещными и признаковыми именами, т. е. обозначают конкретные фрагменты действительности, которые не являются предметами или шире – физическими объектами, например, *отверстие, нора, царапина, след, трещина, яма*. В толковых словарях такие имена определяются через предложные конструкции типа *место в / на, пространство в*, либо через имена, в дефинициях которых есть подобные конструкции (*отверстие* – «дыра, скважина, щель»).

Методом сплошной выборки из авторитетных лексикографических источников русского и немецкого языков были отобраны все такие имена: для русского языка список составил 144, для немецкого – 200 единиц. Количественные данные показывают, что в немецком языке насчитывается на 56 предметно-признаковых имен существительных больше по сравнению с русским языком. Это может свидетельствовать о более детальном членении соответствующих фрагментов действительности в немецком языке.

Данное предположение получило подтверждение в ходе нашего исследования. Установлено, что причина наблюдаемой асимметрии заключается в наличии у одного существительного в русском языке нескольких коррелятов в немецком языке. Так, ряд существительных имеют по 2 коррелята в немецком языке (например, *горловина / die Öffnung, das Mannloch*; *выгиб / die Krümmung, die Biegung*; *веснушки / die Sommersprossen, das Märzflecken*); несколько существительных имеют по 3 коррелята (например, *морщина / die Runzel, die Falte, die Furche*).

Исследование показало, что более детальное членение пространства в немецком языке с помощью предметно-признаковых существительных обусловлено тем, что для их семантике релевантным оказывается знание о месте расположения соответствующих фрагментов действительности. Например, существительное *мозоль* коррелирует с немецкими существительными *die Schwieler* и *das Hühnerauge*. В дефиниции субстантива *мозоль* –

«утолщение кожи от частого трения, давления» отражается способ возникновения изменений на поверхности, в то время как в дефинициях его немецких коррелятов (*die Schwieler* – «durch Druck verdickte und verhärtete Stelle **in der Haut**» ‘мозоль – «вызванное давлением утолщенное и затвердевшее место на коже»’; *das Hühnerauge* – «kegelförmige Verdickung an den Füßen, besonders auf der Oberseite der Zehen» ‘мозоль на ноге – «шаровидное утолщение на стопах, особенно на верхней стороне пальцев»’) отмечается как способ возникновения изменений на поверхности, так и место образования этих изменений. Сходная ситуация наблюдается на примере существительного *трещина*. В дефиниции данного субстантива представлена информация о способе возникновения изменений на поверхности (*трещина* – «место разрыва на поверхности **чего-либо расколовшегося, лопнувшего**»). В толкованиях немецких коррелятов данного существительного, а именно: *der Riss* ‘трещина во льду’, *der Kluft* ‘трещина в горной породе’, *die Infraktion* ‘трещина в кости’, также содержится информация об объекте, на котором образуются соответствующие изменения.

Анализ языкового материала показал, что коррелятивные отношения между немецкими и русскими предметно-признаковыми существительными оказываются более сложными, чем простое соответствие одного существительного в русском языке нескольким в немецком. Отмечаются случаи, когда на одно существительное в русском языке приходится несколько переводных эквивалентов в немецком. Например, для существительного *царапина* указываются следующие переводные эквиваленты: *der Kratzer*, *die Kratzwunde*, *der Ritz*, *die Ritze*. Для субстантива *щель* в словаре зафиксированы корреляты: *der Riß*, *der Ritz*, *die Ritze*, *der Schlitz*. Из примеров видно, что данные существительные имеют два общих переводных эквивалента: *der Ritz*, *die Ritze*.

Наблюдается и обратная ситуация, когда на одно существительное в немецком языке в словаре зафиксированы три переводных эквивалента. Например, существительное *die Furche* имеет в русском языке три коррелята: *борозда* (в поле), *морщина* (на лице, лбу), *извилина* (в коре головного мозга).

Таким образом, коррелятивные отношения между предметно-признаковыми именами существительными в немецком и русском языках оказываются весьма сложными и неоднозначными. Причины неоднозначности заключаются как в своеобразии членения пространства посредством предметно-признаковых имен существительных, так и в различиях в семантической структуре.

А. А. Щербакова (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ВАРИАТИВНОСТЬ В ТЕРМИНОСИСТЕМАХ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Несмотря на то что вариативность как фундаментальное свойство языковой системы подробно изучена современной лингвистикой, динамика языковых процессов открывает все новые исследовательские возможности для изучения вариативности в различных подсистемах языка, в том числе в области терминологии.